

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 323

Е. В. Галкина, В. В. Еремина

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЙ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются актуальные проблемы современных демократий. Анализируются различные научные подходы к концепциям демократий в современном политологическом дискурсе. Актуальным является рассмотрение авторами новых подходов к концепту демократии, таких как функциональная демократия, концепция демократического участия, электронная де-

мократия, которые в настоящее время все больше привлекают внимание исследователей и политиков.

Ключевые слова: демократия, концепции демократии, демократическое участие, политическая власть, недемократические страны, политический процесс, политические структуры, гражданское общество.

E. V. Galkina, V. V. Eremina

CONTRADICTIONS OF MODERN DEMOCRACY: THE POLITOLOGICAL ASPECT

The article discusses the current problems of modern democracies. The various scientific approaches to the concept of democracy in modern political science discourse are analyzed. The authors examine new approaches to the concept of democracy such as functional democracy, the concept of

democratic participation, e-democracy, which currently attract more attention of researchers and policymakers.

Key words: democracy, the concept of democracy, democratic participation, political power, undemocratic countries, political process, political structures, civil society.

В XX столетии потребности в демократизации общественной жизни и развитие исследовательского аппарата привели к широкомасштабным исследованиям проблематики, связанной с демократией. Это, в свою очередь, привело к значительному развитию теоретических представлений о ней. Важнейшее развитие представлений о современной демократии состоит в том, что при всей разнице взглядов авторов фактически её уже нельзя представить лишь как систему институтов и совокупность однажды установленных процедур. Это столетие ознаменовалось появлением множества концепций демократии, каждая из которых была приемлема и применима.

Так, концепции демократического элитизма (К. Поппер, Й. Шумпетер) [9, с. 14]

выдвигали власть элиты, ограничивая народ лишь перспективой избирательного права. В концепции функциональной демократии (Дж. Коул) главная роль отводилась трудовым коллективам и объединениям. Концепция Дж. Дьюи пропагандировала демократию как личный образ жизни каждого. Минималистские концепции (Дж. Сартори, Г. Алмонд, С. Верба) [17] сводились к идее ограниченного участия граждан в политических процессах в силу их незаинтересованности и «доверие» власти соперничающим меньшинствам. В противовес им концепция демократического участия (П. Бахрах) заключалась в равноправном участии граждан в принятии решений, что позволит развивать и стимулировать демократию. Между ними закрепилась концеп-

ция полиархии Р. Даля о множественности центров власти в обществе [5].

Демократия сталкивается со многими трудностями в своем развитии. Как отметил Р. Даль, демократическая идея не потеряет своей привлекательности для жителей недемократических стран, и когда в этих странах станет возникать современное, динамичное и более плюралистическое общество, авторитарным властям станет тяжелее препятствовать развитию демократических свобод [5, с. 404].

XX столетие также характеризуется усилением роли СМИ в развитии демократической мысли, что легло в основу концепции итальянского политолога Дж. Сартори о манипулировании псевдodemократии, которая впоследствии перешла в течение «демократия против манипулирования». Все эти концепции нашли свое отражение в различных странах с демократическим политическим режимом. Отметим, что в связи с развитием процессов глобализации демократический процесс, а вместе с ним и сама политическая мысль, становятся международными.

Ш. Эйзенштадт, израильский деятель и мыслитель, полагает, что демократия подвержена хрупкости и неустойчивости, что объясняется не обычными причинами, а коренными источниками идеологии и институциональной истории современных политических структур [15, с. 67]. Основанием для таких утверждений становится открытость политического процесса в конституционных демократиях и следующая за этим способность к постоянной переоценке сферы политического. «Эта открытость, – пишет Ш.Н. Эйзенштадт, – главная причина хрупкости современных демократических режимов, но парадокс в том, что она обеспечивает непрерывность их существования» [15, с. 67–68]. Открытость политических систем свидетельствует об их возможности адаптации к изменяющейся действительности, восприятию необходимых перемен, что ведет, по выражению Ш. Эйзенштадта, к формированию представления о политике как об «игре» не с нулевой суммой, когда

выигрыш одной стороны не равнозначен проигрышу другой [16, с. 37].

Еще одним источником угрозы демократии является элита. Как известно, основополагающие ценности демократии, такие как равенство свобод и возможностей, слова и печати, религиозная и национальная терпимость и др., обеспечиваются участием народных масс и расширением их роли в политике. Но в XX веке при нарастающей популярности тоталитарных режимов именно массы оказывались вовлеченными в процесс их развития и расширения их влияния. Так, Т. Дай и Л. Зиглер, рассматривая демократию в США, подвели итог о том, что элиты в большей степени, чем массы, способны поддерживать демократические ценности [4, с. 41].

По мнению Ш. Эйзенштадта, внутри каждой конституционной демократии могут развиваться события, размывающие ее [15, с. 72–73]. Во-первых, существует риск развития бюрократизации ввиду различных сдвигов, которая затем приведет к значительной концентрации власти. А процессы технократизации в политическом процессе способны привести к отчуждению народа от информации, что приведет к политической апатии и отказу от участия в политике.

Во-вторых, масштабные перемены могут привести к нарушению баланса между гражданским обществом и государством, связанного с возникновением новых социальных слоев, претендующие на выражение собственных интересов. В итоге ставится под сомнение эффективность представительных институтов. В таких условиях перестройка гражданского общества практически неизбежно сопровождается конфронтацией между базовыми концепциями демократии – конституциональной и участнической (партиципаторной), – а также в более общем плане между плюралистическими ориентациями, заложенными в программе постмодерна.

Данные процессы могут дать толчок к частичному изменению режима в демократических странах [3, с. 122–123]. Среди важнейших компонентов такого рода

режимных преобразований Ш. Эйзенштадт называет ослабление политических партий и представительных институтов по сравнению с прямыми политическими действиями и непосредственными отношениями различных политических акторов, усиление средств массовой информации и их роли в политическом процессе и повышение значимости исполнительной власти при возможном возрастании полномочий судебной системы [16, с. 37].

Питер Бахрах в своих исследованиях поведения масс в условиях демократии заметил, что в современных условиях социологи и философы отвергают принятую классиками политики лежащую в основе демократии приверженность фундаментальным основам. Это происходит еще и из-за того, что существует теория о том, что «неэлиты» проявляют интерес к политике посредством работы властвующих элит. Опыт, в том числе и исторический, того, что действия народа, как правило, становятся реакцией на действия, позицию элит, также подтверждает ответственность элит за сохранность демократических устоев [10, с. 60–61].

Однако в то же время данная преданность не становится стимулом для элит в соблюдении ценностей. Они способны отказаться от основ демократии в периоды кризиса и прибегнуть к репрессиям, что в сочетании с активной деятельностью элит создает немало угроз демократии. Ответная реакция масс, выливающаяся в шествия, демонстрации, бунты, экстремизм, вынуждает элиты в состоянии страха и опасности ограничивать свободы. Создаются условия, близкие к тоталитарным: вводится цензура в прессе, представители несогласных с политикой элиты подвергаются тюремному заключению, правоохранительные силы укрепляются во благо национальной безопасности и порядка (отметим, что подобные процессы характерны для современных стран с авторитарными политическими режимами – Беларусь, ряд стран Азии и Африки). Элиты убеждены в необходимости подобных шагов, дабы сохранить либеральные демократические ценности. Т. Дай

и Л. Зиглер делают вывод о том, что в попытке сохранить демократию, элиты создают недемократичное общество [4, с. 48–49].

С. Хантингтон рассматривал развитие демократии на примере постсоциалистических стран. По его версии угрозы разделяются на три большие категории: политические, культурные и экономические. Одним из политических препятствий и противоречий он называет недостаток опыта демократического устройства, что выражается в пренебрежении к демократическим ценностям политических лидеров. Культурные препятствия заключаются в разнице мировых исторических традиций и ценностях, воззрениях, благоприятствующих развитию демократии. Антидемократическая культура препятствует развитию демократических норм, институтов и может сильно нарушить или замедлить их построение и функционирование. Главным экономическим препятствием становится бедность. Она же мешает, как правило, распространению демократии [12, с. 338].

Постсоциалистические страны отличаются одновременным введением рыночной экономики и демократических основ. Это вызывает свои трудности, так, например, введение класса предпринимателей не являлось ранее одной из задач демократии. Как показывает демократическая практика в таких странах, именно рынок помогает развитию демократии, а не наоборот. При этом происходит противоречие. С одной стороны, установление рыночной экономики происходит перед установлением демократии, так как ее развитие подразумевает ограничение некоторых демократических основ. Хорошо развитая рыночная экономика приводит к образованию предпосылок для стабильной демократии и содействует ее установлению. Но подобная система может стать успешной при условии легитимности демократии, то есть общество должно желать как рыночной экономики, так и демократии. Чтобы демократическое развитие стало реальностью, граждане должны иметь достаточный запас терпения и оптимизма, так как они вынуждены быстро приспосабливаться к новому по-

ложению и весьма продолжительное время дожидаться позитивных результатов реформ.

Таким образом, в западной демократической мысли XX столетия и в США большое значение стали придавать возможным угрозам, проблемам и недостаткам демократии. Мыслители выделяли различные проблемы, среди которых:

- экономическая нестабильность и социальное расслоение (Ж. Бешлер);
- невыполненные обещания и демократические процедуры (Н. Боббио);
- идеологическая гегемония демократии, переходный период и возникающие при этом дилеммы (К. Шмиттер) [13];
- коренные источники идеологии, институциональная история современных политических структур, открытость политического процесса и элиты (Ш. Эйзенштадт);
- недостаток демократического опыта, бедность и культурные расхождения (С. Хантингтон);
- проблемы электронной демократии (дублирование ею деятельности правительственных органов, неспособность создать реальную обратную связь между правительством и гражданским обществом, проблемы безопасности в информационном обществе) [10, с. 124–125].

Несмотря на данные недостатки и противоречия, для демократии возможно положительное будущее, поскольку подобные дефициты (по Ж. Бешлеру) не будут существовать постоянно. По мнению современных политологов, демократия – это наиболее приемлемая форма государства, альтернативы которой нет [2, с.86 – 87]. Главная задача международного сообщества состоит в укреплении демократии там, где она уже начала распространяться, и поддержка развития либерализма и неолиберализма по всему миру [1, с. 44–45]. Но при этом необходимо помнить о возможной гибели демократии, которая может произойти двумя способами: внезапно – гражданская война, переворот или медленно – постепенная эрозия демократических принципов (Г. О’Доннелл).

Законность, а следовательно, и сила нелиберальных демократий проистекает из того обстоятельства, что они достаточно демократичны. Наибольшая же опасность, которую представляют нелиберальные демократии, напротив, заключается в том, что они дискредитируют саму либеральную демократию, бросая тень на демократическое правление. Ф. Закария считает, что в этом нет ничего необычного. За каждой волной демократии следовал спад, когда система казалась неудовлетворительной, а политические лидеры и различные социальные слои населения искали новые альтернативы. Последним подобным периодом разочарования в межвоенные годы XX столетия в Европе воспользовались демагоги, многие из которых вначале были популярны и даже пользовались поддержкой избирателей. Сегодня в свете неолиберальных тенденций в общественной мысли наиболее полезная роль, которую может сыграть международное сообщество, заключается не в поиске новых земель для демократизации и новых мест для проведения выборов, а в укреплении демократии там, где она пустила корни, и содействии постепенному развитию конституционного либерализма во всем мире. Демократия без конституционного либерализма не просто неудовлетворительна, но и опасна, ибо она несет с собой уничтожение свободы, злоупотребление властью, этнические противоречия и даже войну [6, с. 66].

А пока остается актуальным предупреждение, прозвучавшее от аргентинского политолога Гильермо О’Доннелла, относительно гибели демократии. Исследователь выделяет два вида такой гибели: внезапная и медленная. Внезапная смерть происходит вследствие гражданской войны, государственного переворота или какого-либо еще заметного события, которое сразу же привлекает внимание и указывает на точную дату гибели демократии. Но враги демократии действуют и более тонкими и безопасными методами, позволяющими покончить с ней медленно. Постепенно и незаметно происходит эрозия демократи-

ческих свобод, гарантий и процессов (как это случилось на Украине с февраля 2014 г. в силу разворачивания там гражданской войны). При этом нельзя указать точную дату, когда демократию следует объявить ушедшей. Можно лишь заметить задним числом период постепенного удушения, когда при каждом затягивании петли демократические деятели как внутри страны, так и за рубежом, раз за разом упускали шанс дать отпор, поскольку каждый шаг сам по себе не казался достаточно серьезным для полной мобилизации сил. Медленная смерть коварна: насилие и репрессии, сопровождающие ее, могут быть столь же крупными, как и в случае внезапной смерти, но при этом умирающая демократия способна прикрыться претензиями на со-

храняющуюся внутреннюю и международную легитимность, из-за чего оказывается затруднительным предпринять соответствующие и своевременные внутренние и международные меры [8].

Таким образом, противоречия современных демократий заключаются в их относительной слабости перед лицом глобализирующейся действительности, кризисом легитимности в ряде стран и усилением исполнительной ветви власти, потерей доверия или слабостью гражданского общества, замкнутостью элит, формальностью функционирования демократических процедур, относительной замкнутостью политической системы, неспособности её адаптироваться к новым условиям и др.

Литература

1. Галкина Е.В. Демократия и гражданское общество (поиск оптимальных моделей и путей развития) // Власть. – 2009. – № 4.
2. Галкина Е.В., Косов Г.В., Паслер О.В. Гражданское общество в современной России: модели, традиции, тенденции развития: монография. / под науч. ред. Г.В. Косова. – Ставрополь, 2010.
3. Галкина Е.В. Институционализация гражданского общества в контексте современных политических трансформаций: монография. – Ставрополь, 2010.
4. Дай Т., Зиглер Л. Демократия для элиты. Введение в американскую политику. – М., 1984.
5. Даль Р. Демократия и ее критики. – М., 2003.
6. Захария Ф. Возникновение нелиберальных демократий // Логос. – 2004. – № 2 (42).
7. Козырева П.М., Смирнов А.И. Сдвиги в общественной жизни и проблема поддержки демократии в России // Полис. – 2013. – № 5.
8. О’Доннелл Г. Следует ли слушаться экономистов? [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-11/o_donn.htm. (Дата обращения: 24.06.2014).
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М., 1992.
10. Рябцева Е. Е., Казанов А. Х. Электронное правительство в условиях модернизации современных управленческих решений // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 1.
11. Сытин А. Демократия в контексте вызовов времени // Обозреватель. – 2012. – № 4.
12. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. / пер. с англ. – М., 2003.
13. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. – 1996. – № 5.
14. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. / пер. с англ.; отв. ред. и авт. предисл. В.С. Автономов. – М., 1995.
15. Эйзенштадт Ш.Н. Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость (I) // Полис. – 2002. – № 2.
16. Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999.
17. Almond G., Verba S. The Civil Culture. – Boston, 1963.